БУЛЫГИНА Т. В., ШМЕЛЕВ А. Д.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК СУПЕРКАТЕГОРИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Исследования последних лет в области семантики предложения показали, что языковая единица, неоднозначная сама по себе, может получить однозначную интерпретацию в контексте предложения в результате семантического взаимодействия с другими языковыми выражениями, входящими в то же предложение [1—4]. Данная статья посвящена проблеме взаимной связи видо-временного значения предиката и референциальных характеристик его актантов; мы постараемся выяснить также, каким образом эта связь может быть отражена в лингвистическом описании¹.

Источники референциальных противопоставлений могут быть различны: при анализе референциальных характеристик именной группы (далее — ИГ) следует учитывать, в каком денотативном пространстве фиксируется референт ИГ; как референт ИГ соотносится с ее экстенсионалом в данном денотативном пространстве; каковы референциальные намерения говорящего. Остановимся на референциальных различиях, связанных с типом обозначаемого объекта, т. е. на когнитивных различиях, практически не связанных с коммуникативной ситуацией.

Существует три типа внеязыковых сущностей, к которым может производиться референция: 1) абстрактные классы (открытые множества) объектов; 2) индивидные объекты, взятые в отвлечении от конкретных пространственно-временных манифестаций; 3) конкретные пространственно-временные «срезы» объектов. Будем называть сущности первого типа классами, сущности второго типа — (абстрактными) индивидами, объекты третьего типа — «инстанциями» (под «инстанцией» понимается индивид, взятый в конкретной пространственно-временной реализации). Следует отличать классы как открытые множества объектов от множественных индивидов (т. е. закрытых множеств объектов). Так, в предложении *Дети любопытны* в наиболее естественном понимании ИГ *дети* соотносится с открытым классом детей, который не мог бы быть задан списком. В предложении *Дети сыты* или *Дети спят* ИГ *дети* соотносится с закрытым, перечислимым множеством детей, с множественным индивидом, взятым в данном случае в его конкретной пространственно-временной реализации (т. е. с «инстанцией»). В предложении *Дети у нее плохо воспитаны* ИГ *дети* соотносится с множественным индивидом, взятым в отвлечении от конкретных пространственно-временных реализаций. Противопоставление классов и индивидов (в том числе множественных) соответствует принятому в теории референции различению генерализованных и конкретно-референтных ИГ.

¹ В основу настоящей статьи положен доклад одного из авторов, прочитанный на школе-семинаре «Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности» в г. Телави в 1983 г. (см. [5]). Мы пользуемся случаем выразить признательность всем принявшим участие в обсуждении названного доклада.

Противопоставление «инстанций» и абстрактных индивидов связано с признаваемым логикой онтологическим и эпистемологическим различием между подлинно единичными объектами, к которым «... с определенностью можно отнести только объекты, в принципе доступные непосредственному восприятию, т. е. вещи в пространстве — времени» [6, с. 5], и абстрактными объектами, с которыми, например, имеет дело экспериментатор, «отождествляющий свою аппаратуру и сотрудников в разные моменты времени» [6, с. 3]. Тот факт, что ИГ, соотносимые с абстрактными индивидами, в том числе имена собственные, а также существительные с так называемой «уникальной референцией» (*солнце, луна*) содержат в себе элемент обобщения, был замечен и лингвистами. Так, С. Д. Кацнельсон справедливо отметил, что «выделяя какое-либо лицо, собственное имя объединяет различные состояния и аспекты его деятельности, различные периоды (а мы бы добавили: различные моменты. — Б. Т., Ш. А.) его физического и духовного развития» [7]. Можно упомянуть также замечание А. Вежбицкой, что в таких предложениях, как *Я хорошо знаю Яну; Ян добрый, умный, спокойный, смелый*, «предсказуемый признак приписывается, строго говоря, не Яну, а множеству событий, которые тем или иным образом связаны с Яном (множество, которое нельзя просто перечислить, т. к. его нельзя приравнять ни к какому закрытому списку)» [8, с. 255].

Важно отметить, что в русском языке нет специальных средств выражения противопоставления между абстрактными индивидами и «инстанциями»: одна и та же ИГ может соотноситься как с индивидуальным объектом, так и с какой-либо его «инстанцией». Например, в предложении *Солнце излучает свет и тепло* ИГ *солнце* соотносится с абстрактным индивидом, и истинность соответствующего высказывания не зависит от конкретных событий, происходящих в пространстве и времени (так, оно не перестает быть истинным, будучи произнесенным, скажем, зимней ночью). Напротив, в таких предложениях, как, например, *Солнце греет до седьмого пота и бушует, одурев, овраг* или *Солнце грустно сегодня, как ты, солнце нынче, как ты, северянка* ИГ *солнце* соотносится с отдельными «инстанциями» солнца («греть до седьмого пота» или «испытывать грусть», «выглядеть грустным» не входят в число свойств солнца как абстрактного индивида).

Подчеркнем, что когнитивный статус ИГ связан с особенностями ее референции, а не с выбранным способом номинации. Так, *пьяница* в предложении *Пьяница упал* соотносится с инстанцией, поскольку высказывание касается только одного «временного среза» обозначаемого лица. В то же время номинация выбирается на основе нелокализованных во времени свойств лица (свойство «быть пьяницей» присуще обозначаемому лицу независимо от конкретного момента, о котором идет речь).

Выделенные три когнитивных статуса (классы, индивиды, «инстанции») присущи только предметным ИГ. Что же касается сентенциальных ИГ, то они могут соотноситься лишь с двумя из названных типов внеязыковых объектов: с классом или с «инстанцией»; ср.: *Он боится грозы* (класс) — *Он испугался грозы* («инстанция»); *Но поражение от победы ты сам не должен отличать* (класс) — *Я был свидетелем поражения «Спартака»* («инстанция»). Другими словами, любое обобщение на множестве ситуаций ведет к противопоставлению обо всем классе ситуаций; операция отождествления «инстанций», манифестирующих один и тот же индивид, на множестве ситуаций не задается. Мы можем говорить о заходах солнца вообще или о данном, конкретном заходе солнца, но не можем отождествить два наблюдавшихся в различное время захода солнца в качестве представителей одного аб-

страктного индивида (некоторого индивидуального захода солнца, способного к различным манифестациям).

Что касается номинализаций, обозначающих факты, то для них исключается и генерализованная интерпретация. Это связано с тем, что факты всегда конкретны и не образуют открытых множеств. Правда, иногда используются выражения *факты такого рода, подобные факты* — т. е. генерализованные ИГ, соотносящиеся с открытыми множествами, несмотря на то что их вершиной является существительное *факт*. Но эти выражения не являются «фактуальными» в собственном смысле слова — здесь не осуществляется референция к фактам (поэтому возможными оказываются такие фразы, как *Если факты такого рода будут иметь место...*, где существительное *факты* апеллирует никак не к фактам, а к гипотетической ситуации). Дело в том, что, как справедливо заметила Н. Д. Арутюнова, «семантика имени *факт*, как и многих других абстрактных имен, распатана... небрежным обращением говорящих и пишущих» [9, с. 325]. Другими словами, само существительное *факт* не во всех своих употреблениях соотносится с фактами. Невозможность генерализованного прочтения характерна не для слова *факт*, а для фактуальных номинализаций.

Таким образом, по своему когнитивному статусу фактуальные номинализации всегда соотносятся с индивидами (и сверх того, всегда характеризуются определенной модальностью); при этом нельзя сказать, представляет ли собой референт фактуальной ИГ абстрактный индивид или «кинстанцию»: для фактов данное противопоставление лишено смысла, поскольку фактуальные номинализации не являются непосредственными обозначениями событий, происходящих или происходивших в мире; факты — это отражение соответствующих событий в сознании, объект знания, размышления, объект, вызывающий те или иные эмоции, так что вопроса о пространственно-временной локализации фактов не возникает.

Из сказанного вытекает, что при генерализованном прочтении номинализованной пропозиции она не может восприниматься как фактуальная (обладающая «презумптивной модальностью», по Е. В. Падучевой [10]). Проиллюстрируем это на примере предложения *Милиция штрафует пешеходов за нарушения правил*. Это предложение имеет два прочтения [то ли «Милиция штрафует пешеходов всякий раз, когда они нарушают правила», то ли «Милиция штрафует (конкретных) пешеходов за то, что они неоднократно нарушили правила»].

При первом прочтении речь, скорее всего, идет о пешеходах вообще, любых пешеходах; ИГ *нарушения правил* является генерализованной и не имеет статуса факта. Предложение при таком прочтении совсем не предполагает, что нарушения правил действительно имели место, указывается только, что если это произойдет, нарушители должны быть оштрафованы. Генерализованное понимание номинализованной пропозиции влечет ее гипотетический («нейтральный», по Е. В. Падучевой) статус.

При втором прочтении речь может идти только о конкретных пешеходах; ИГ *нарушения правил* соотносится с конкретным фактом (с тем фактом, что пешеходы нарушали правила), а генерализованное прочтение исключается. Разумеется, из несовместимости фактуальности и генерализованности не следует, что гипотетический («нейтральный») статус всегда влечет генерализованность. Например, в предложении *Я оштрафую тебя за первое же нарушение правил* ИГ *первое нарушение правил* имеет гипотетический статус (не является фактуальной), хотя соотносится не с классом событий, а с конкретным (хотя и предполагаемым) событием. Поэтому противопоставление фактуального и гипотетического статуса нельзя рас-

сма́тривать как противопоставление «индивидуальность — генерализованность» на множестве пропозициональных имен.

Отметим, что при неполной номинализации (т. е. в случаях, когда сентенциальный актант выражен придаточным предложением) семантическое различие между «фактуальностью» и «нефактуальностью» (и, соответственно, возможностью и невозможностью генерализованной интерпретации) имеет внешнее выражение в русском языке: фактуальные сентенциальные актанты в контексте оценочных (и некоторых других) предикатов присоединяются союзом *что* (*Хорошо / Я рад / Мне нравится, что вы поете*), нефактуальные (т. е. имеющие гипотетический статус) — союзами *когда*, *чтобы* и т. п. (*Я радуюсь / Мне нравится, когда вы поете; Лучше, чтобы вы спели нам*); союз *как* присоединяет сентенциальные актанты, соотносящиеся не с пропозициями, а с процессами или событиями. Что же касается случаев полной номинализации, то в русском языке различие между фактуальностью и гипотетичностью у таких ИГ внешне не выражается.

Отсутствие последовательного внешнего выражения когнитивного статуса ИГ (как предметных, так и сентенциальных) приводит к тому, что разрешение возможной неоднозначной интерпретации ИГ во многих случаях опирается только на семантическое взаимодействие с предикатными выражениями (ПВ), с которыми сочетается данная ИГ в конкретном предложении, ср. предложения: *Собака — млекопитающее* (где *собака* — генерализованная ИГ); *Собака любит Ивана* (*собака* соотносится с абстрактным индивидом); *Собака залаяла* (*собака* обозначает «инстанцию»).

В этой связи можно упомянуть различные сочетаемостные возможности предикатов *нравиться*, *любить* и *любителю*. Предикат *нравиться* допускает в качестве объекта все когнитивные типы ИГ, ср.: *Мне нравится красивые женщины* (генерализованный объект); *Ты мне всегда нравишься* (абстрактный индивид); *Ты мне что-то сегодня не нравишься* («инстанция»); предикат *любить* — только ИГ, соотнесенные с классом или с абстрактным индивидом, ср.: *Я люблю детей* (генерализованный объект); *Я люблю своих детей* (абстрактный индивид); предикат *любителю* может подчинять только генерализованный объект, ср.: *Он любителю красивых женщин*, но не **Он любителю Маши*². Этому никак не противоречат такие высказывания, как *Он любителю Блока*, т. к. имя собственное употреблено здесь метонимически (по отношению ко всей поэзии Блока, т. е. не к индивиду, а к целому классу). Отметим, что при переходе на морфемный уровень возможность метонимического генерализованного прочтения индивидного имени может теряться: слова типа **блоколюб* существовать не могут (возможны только *женолюб*, *человеколюбец*, т. е. слова, у которых первая часть имеет «прямое» генерализованное понимание).

Разумеется, полное описание взаимодействия когнитивных свойств ИГ с характеристиками ПВ предполагает наличие предварительной классификации предикатов. Наиболее существенными представляются характеристики ПВ с точки зрения локализованности во времени³. Четко различиваются два типа употреблений ПВ: эпизодические и качественные. При эпизодическом употреблении ПВ представляют процессы или события как конкретные, реально происходящие (или произошедшие) в некоторый

² Указанные особенности предикатов *любителю*, *любить* и *нравиться* уже рассматривались в [11, с. 29]; здесь мы уточняем приведенные там формулировки. Различие лексем *любить* и *нравиться* вполне аналогично отмеченному А. Вежибичкой различию польских лексем *lubić* и *podobać się* [8, с. 254—255].

³ Роль, которую признак локализованности во времени играет в построении общей классификации ПВ, подробно рассмотрена в [11, 12].

момент или период времени, или же описывают ситуации или состояния, приуроченные к конкретному временному отрезку. При качественном употреблении ПВ описывают признаки, не связанные с конкретным моментом времени. Существуют ПВ, для которых соответствующая характеристика оказывается фиксированной; тем самым выделяются предикаты *episodica tantum* (например, *быть пьяным, безмолвствовать, быть при смерти*) и предикаты *qualitativa tantum* (*быть пьяницей, быть молчаливым, быть смертным*).

Для других ПВ данная характеристика является «флективной» (в смысле [4]), и вне контекста такие ПВ оказываются неоднозначными (так, *Он курит* может означать как то, что он курит в данный момент, так и то, что он курящий). Эпизодические ПВ (в том числе *episodica tantum*) могут «повышаться в ранге» с помощью «гномического оператора» (*бывает, всегда, иногда*). Более того, способность сочетаться с гномическим оператором может рассматриваться как характеристическое свойство эпизодических ПВ: в сочетании с качественными ПВ такие слова, как *бывает, всегда, иногда*, не имеют значения гномического оператора, а прочитываются как квантор при генерализованном субъекте, как, например, в предложениях *Голубоглазые кошки бывают глухими; Математики иногда разбираются в лингвистике*; а в предложениях с качественным предикатом и единичным субъектом такие слова вообще невозможны: **Он бывает пьяницей* (подробнее см. [4, 11, 12]).

«Повышенные в ранге» эпизодические ПВ можно назвать узуальными. Узуальные ПВ образуют вместе с качественными ПВ единый класс гномических ПВ. Однако определенные различия между узуальными и качественными ПВ сохраняются: если качественное ПВ обозначает нелокализованное во времени свойство, то узуальное ПВ соотносится с рядом явлений, имеющих пространственно-временную локализацию (хотя и неопределенную). Впрочем, разграничение качественных и узуальных ПВ не всегда оказывается достаточно простым.

Не относятся к гномическим ПВ, обозначающие серию упорядоченных во времени действий (даже в тех случаях, когда речь идет о повторяющихся действиях). К таким ПВ можно причислить, в частности, «итеративные» употребления однонаправленных глаголов движения и некоторых глаголов НСВ, возникших в результате вторичной имперфективации, — таких, как *выкуривать, прочитывать, выпивать (чашку молока)*. Эти глаголы не могут употребляться в «гномическом» значении, обозначая неупорядоченные во времени события, — в отличие от таких ПВ, как, скажем, *пить вино, курить трубку, ходить за грибами, читать детективы*. Ср. гномическое употребление ПВ *пить вино*:

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Пил вино, катался по траве...

и невозможность такого употребления для ПВ *выпивать вино* (*Счастлив тем, что целовал я женщин, *выпивал вино, катался по траве*). Прибавление к таким ПВ слов типа *бывало, всегда, иногда* не превращает эти ПВ в гномические, характеризующиеся неопределенной временной локализацией. Можно говорить, что и обозначая повторяющиеся действия, они сохраняют конкретную временную локализацию, а их сочинение указывает на следующие друг за другом по времени действия (ср.: *Каждый вечер он ужинал, выпивал чашку кофе, выкуривал сигарету и шел гулять*). Подобные употребления — в тех случаях, когда охватываются значительные по объему отрывки текста, — представляют собою разновидность наглядно-

примерного изображения действительности. В этом плане показательно употребление партиципального родительного при глаголе несовершенного вида у Ю. Казакова: *На другой день Василий Панков выпивает коньяку на какой-то станции и возвращается в вагон веселый, беспрестанно улыбаясь и играя глазами*. Таким образом, правило несочетаемости несовершенного вида с родительным объекта нуждается в уточнении.

Разграничение эпизодических и качественных употреблений ПВ позволяет сформулировать закономерности, касающиеся связей между типом ПВ и референциальными характеристиками подчиненных ему ИГ. Гномические предикаты (качественные и узуальные) приписываются классам или абстрактным индивидам, эпизодические предикаты — конкретным сущностям, локализованным в пространстве и времени, т. е. «инстанциям». Другими словами, в контексте гномических предикатов ИГ всегда понимаются обобщенно (т. е. как соотносящиеся с классом или абстрактным индивидом, но не с «инстанцией»). Именно с гномическими предикатами чаще всего сочетаются «слабо индивидуализирующие» ИГ, например, ИГ с предикатной семантикой (такие ИГ склонны к генерализованному употреблению). Однако в силу того же правила даже «слабо индивидуализирующие» ИГ в контексте «только эпизодических» предикатов понимаются как соотносящиеся с «инстанциями». Так, в примерах, приведенных в [11, с. 35], в предложениях с гномическими предикатами (*Старики не терпят возражений; Молодые люди умеют веселиться; Дети любознательны; Лентяй — обуза для коллектива*) ИГ-подлежащие воспринимаются как генерализованные; однако в контексте эпизодических предикатов те же самые ИГ могут быть поняты только как соотносящиеся с конкретными объектами (точнее, с «инстанциями»): *Старики в раздражении; Молодые люди пьяны; Дети голодны; Лентяй утомлен*.

Если обобщенная интерпретация для ИГ в силу каких-то причин оказывается невозможной, эта ИГ не может сочетаться с гномическими предикатами. А. Вежбицкая отметила, что аномальность предложения *Lubię to ciastko* «Я люблю что пирожное» объясняется тем, что невозможно представить себе, чтобы человек «обычно охотно ел» одно и то же пирожное [8, с. 255]. Действительно, если можно любить пирожные вообще, то существование конкретного пирожного достаточно эфемерно: как только «любовь» к пирожному (в одной из его пространственно-временных реализаций) будет проявлена, пирожное прекратит свое существование и невозможным окажется проявление любви к другим его «инстанциям». Этим же объясняется тот факт, что в предложении *Мне нравится это пирожное* предикат *нравиться* (который, вообще говоря, может функционировать и как эпизодический, и как гномический) получает «эпизодическое» прочтение.

«Фактуальные» ИГ с точки зрения сочетаемости с предикатами сходны с ИГ, которые соотносятся с «инстанциями». Другими словами, фактуальные актанты не сочетаются с качественными ПВ (поэтому аномально **Я люблю, что в комнате порядок*; ср. сочетание того же ПВ с нефактуальным актантом: *Я люблю, когда в комнате порядок / чтобы в комнате был порядок*). Потенциально неоднозначные ПВ получают в контексте «фактуальных» ИГ однозначно эпизодическую интерпретацию: предложение *Я радуюсь, что в комнате порядок* указывает на конкретно переживаемую эмоцию; в то же время *Я радуюсь, когда в комнате порядок* предполагает постоянное отношение к рассматриваемому положению дел.

Полностью номинализованные сентенциальные ИГ могут функционировать и как фактуальные, и как нефактуальные. В контексте «только эпизодических» ПВ они получают фактуальную интерпретацию (ср.: *Я рад*

порядку в комнате), в контексте «только качественных» ПВ — нефактуальную интерпретацию (ср.: *Я люблю порядок в комнате*). Если ПВ может пониматься и как эпизодическое, и как качественное, сентенциальная ИГ в контексте такого ПВ неоднозначна с точки зрения фактуальности нефактуальности. Так, взятый в отрыве от более широкого контекста фрагмент из «Евгения Онегина» двусмыслен в силу двойственности (точнее — «тройственности») свойств предиката *нравиться*:

Ей нравится порядок стройный
Олигархических бесед,
И холод гордости спокойной,
И эта смесь чинов и лет.

Он может пониматься и в качественном (диспозиционном) смысле — как сообщение о положительном отношении пушкинской Музы к «порядку олигархических бесед», и в «эпизодическом» смысле — как сообщение о конкретно переживаемой положительной эмоции, которая вызывается непосредственно воспринимаемыми «беседами». Именно эта последняя интерпретация оказывается единственно возможной из-за соседства с «только эпизодическим» предикатом *безмолвный*, встречающимся в конце цитированной строфы:

Но кто это в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?

Необходимо «актуальная» интерпретация этого текста индуцирует соответствующее понимание непосредственно предшествующего текста.

Тем не менее фактуальные актаны нельзя безоговорочно причислить к ИГ, соотношенным с «инстанциями». Дело в том, что установленные закономерности позволяют сформулировать следующее правило: если в предложении хотя бы одна ИГ соотносится с «инстанцией», то все остальные ИГ в этом предложении, подчиненные тому же ПВ, также соотносятся с «инстанциями». Действительно, наличие хотя бы одной такой ИГ предопределяет эпизодический характер предиката, что, в свою очередь, детерминирует соотношенность с «инстанциями» всех подчиненных ему ИГ. В то же время существуют ПВ, которые в качестве одного из актантов могут иметь фактуальную ИГ, а в качестве другого — обобщенную ИГ. Сюда относятся такие фактивные предикаты, как *быть виноватым в*, *знать о* и т. п. В качестве объекта они имеют «фактуальные» ИГ, а в качестве субъекта — индивидуальные или даже генерические ИГ (ср.: *Всякий знает о том, что...*). Рассматриваемые ПВ объединяет то, что все они обозначают локализованные во времени свойства, которые возникают в результате локализованных во времени событий и навсегда остаются связанными с субъектом. Так, если воспользоваться определением факта как «тени, отброшенной событием на экран знания» [9, с. 355], то можно сказать, что тень инкриминируемого события неразрывно связывается с виновным. Провинившись в чем-либо, он останется виноват в этом навсегда.

В целом можно видеть, что обе разновидности гномических ИГ — качественные и узуальные — ведут себя сходным образом в отношении взаимодействия с референциальными характеристиками ИГ (а именно — и те, и другие сочетаются с обобщенными ИГ, соотносимыми с классом или абстрактным индивидуом); в то же время они резко противопоставлены эпизодическим ИГ. Это проявляется, в частности, в возможности сочинения качественных и узуальных ПВ (например, *Он заботился о своем здоровье и ходил на работу пешком*) и в аномальности сочинения гномического ПВ

любого типа и эпизодического ПВ: *Он заботился о своем здоровье и шел на работу пешком (как уже говорилось, однонаправленные глаголы движения даже в итеративном значении остаются эпизодическими); *Он болен и любит чай с лимоном. Отмеченная Ю. Д. Апресяном аномальность предложений типа Он высок и болен также может быть объяснена невозможностью сочинения квалитативного предиката высок с эпизодическим болен.

Из трех выделенных когнитивных разновидностей ИГ (ИГ, соотносимые с классами, с абстрактными индивидами и с «инстанциями») с точки зрения сочетаемости с ПВ сходство обнаруживается у ИГ, соотносимых с классами и абстрактными индивидами (в частности, они могут быть подчинены одному и тому же ПВ: Я больше всех удач и бед за тебя любил...). Любопытно, что если до последнего времени различный статус генерализованных ИГ и ИГ, соотносимых с абстрактными индивидами, не вызывал сомнений, то сейчас, когда замечено сходство между ними, наблюдается тенденция стожествлять (в явном виде или, чаще, имплицитно) генерализованные и «абстрактно-индивидуные» ИГ именно на основании их совместимости с предикатами одних и тех же типов. Ср. приведенное выше замечание А. Вежбицкой о том, что в таких предложениях, как Я люблю / знаю Яна; Ян добрый, умный, спокойный, смелый, ИГ Ян соотносится не с самим Яном, а с открытым множеством событий, так или иначе связанных с Яном. Такие утверждения, как «нравиться допускает объект в референтном ДС, а любить — только в „родовом“» [13], в неявном виде опираются на отождествление «абстрактно-индивидуных» ИГ с родовыми (ср.: Я люблю отца).

Однако несмотря на несомненное сходство генерических и индивидуальных ИГ, они все же должны быть отнесены к разным типам, в частности потому, что существуют предикаты, сочетающиеся только с первыми, но не со вторыми. К таким предикатам относится уже упоминавшееся выше ПВ быть любителем (аномально *любитель Маши, хотя вполне возможно любитель красивых женщин). Другой пример ПВ, требующего генерической референции объекта, — знаток. Можно сказать: Ты большой знаток женщин. Ты, наверное, можешь предугадать, как на это посмотрит Мария, — но аномально высказывание *Ты большой знаток Марии. Как она будет на это реагировать? (следует: Ты хорошо знаешь Марию. Как она на это посмотрит?). Сочетание знаток Пушкина, как и любитель Пушкина, возможно потому, что имя Пушкин здесь имеет возникшее на основе метонимии генерализованное значение и обозначает творчество Пушкина и все то, что с ним связано, — все то, что составляет объект пушкинистики. Сочетание знаток «Евгения Онегина» более естественно, чем знаток стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», в силу того, что «Евгений Онегин» гораздо легче подвергается метонимическому переносу, при котором приобретает генерализованное значение. Ср. также охотник до (Их и по сегодня много ходит, всяческих охотников до наших жен при аномальности *Он большой охотник до моей жены).

Упомянем еще один тип ПВ, сочетающихся только с генерализованными, но не с индивидуальными ИГ. Это такие предикаты, как быть в дефиците, быть редкостью, вымереть, подорожать, получить большое распространение, иметься в продаже⁴ и т. п. (некоторые из таких ПВ упоминаются в [11, с. 291]). Не являются контрпримерами предложения типа Эта книга сей-

⁴ Указанное свойство (сочетаемость только с генерализованными ИГ) отличает ПВ иметься в продаже от сходного ПВ продаваться, сочетающегося как с генерализованными (Продается мороженое), так и с индивидуальными (Продается почти новый финский шкаф) ИГ.

час в продаже, т. к. несмотря на наличие указательного местоимения, ИГ эта книга соотносится не с отдельным объектом, а с классом (ср. [14]).

ПВ рассматриваемого типа представляют собой видимое исключение из сформулированного правила, в соответствии с которым генерализованные ИГ не сочетаются с эпизодическими ПВ. Ведь эти ПВ описывают конкретные («случайные») состояния мира, и в этом смысле они должны быть причислены к эпизодическим. С эпизодическими предикатами их сближают и собственно языковые свойства: сочетаемость с гномическими операторами (ср.: *Всегда в продаже мороженое*) или с показателями временной локализации (*Вчера в продаже были тренировочные костюмы; Такие шляпки в этом году в моде; Весь год этот товар в дефиците*). Такие предикаты описывают не существенные свойства субъекта, а его преходящие состояния. Можно было бы сказать, что субъекты в предложениях с такими ПВ так относятся к генерализованным субъектам в подлинно гномических предложениях, как «инстанции» относятся к абстрактным индивидам. Наличие среди рассматриваемых ПВ глаголов совершенного вида позволяет уточнить формулировку о несовместимости совершенного вида с генерализованным статусом субъекта [11, с. 38—39] (ср.: *Динозавры вымерли; Мини-юбки вошли в моду*).

Нагляднее всего обнаруженные закономерности можно представить на языке семантических признаков. Конечно, есть основания сомневаться в том, что постулированные ad hoc признаки представляют собой самый адекватный способ экспликации семантических закономерностей. Однако в настоящее время не существует общепринятого семантического метаязыка, пригодного для описания когнитивных различий; и в этой ситуации возрастает эвристическая роль постулируемых признаков, позволяющих в обозримом виде представить закономерности семантического взаимодействия компонентов предложения. Разумеется, следует стремиться к тому, чтобы постулированные признаки соответствовали семантической реальности и в принципе допускали переформулировку в терминах универсального семантического метаязыка. Необходимо только учитывать, что выбранные названия семантических признаков представляют собой лишь условные обозначения и не претендуют на выражение сущности эксплицируемых семантических различий⁵.

Мы будем использовать два бинарных семантических признака: «±актуализованность» и «±локализуемость». Укажем, каким образом могут быть представлены при помощи этих признаков когнитивные статусы ИГ. Абстрактно-индивидуальные ИГ и ИГ, соотносенные с «инстанциями», различаются «актуализованностью»: абстрактно-индивидуальным ИГ может быть приписан признак [—актуализ], а ИГ, соотносенным с «инстанциями», — [+актуализ] (поскольку «инстанция» фактически и представляет собою «актуализованный» индивид). В то же время референты обоих этих типов ИГ представляют собою индивиды, которые могут быть тем или иным способом «локализованы»; поэтому припишем рассматриваемым ИГ признак [+локализ] — в отличие от генерализованных ИГ, референты которых представляют собою открытые классы объектов (генерализованным ИГ приписываем признак [—локализ]). При этом генерализованные ИГ, фигурирующие в общих суждениях, получают признак [—актуализ],

⁵ Так, в работах логического направления принято представлять генерализованные ИГ при помощи кванторов: общеродовые ИГ — при помощи квантора общности, а общеэкзистенциальные ИГ — при помощи квантора существования; однако этот способ представления вызывает существенные возражения.

а ИГ, сочетающиеся с предикатами «состояния класса» (типа *быть в дефиците*), — признак [+актуализ].

Те же самые два бинарных признака могут быть использованы и для классификации ПВ. Гномические предикаты получают признак [—актуализ], эпизодические — признак [+актуализ]. При этом качественные предикаты и предикаты «состояния класса» могут быть охарактеризованы при помощи признака [—локализ], узуальные предикаты и эпизодические предикаты, относящиеся к конкретным объектам, — при помощи признака [+локализ].

Закономерности взаимодействия когнитивных характеристик ИГ и ПВ сводятся к следующему. Если описываемое в предложении положение дел не является актуализованным, то как предикат, так и подчиненные ему ИГ получают признак [—актуализ]. Другими словами, мы имеем дело с гномическим предикатом и обобщенными ИГ. Выбор значения признака [$\pm$ локализ] при этом не определен. Как отмечалось выше, одному и тому же гномическому предикату могут быть подчинены одновременно генерализованные и абстрактно-индивидуальные ИГ, к одной и той же ИГ могут одновременно относиться сочиненные качественные и узуальные ПВ. Ограничения на значения признака [$\pm$ локализ] в таком предложении могут определяться лишь словарными характеристиками входящих в предложение языковых единиц.

Если в предложении описывается актуализованное положение дел (событие, процесс, состояние), то и предикат, и все ИГ получают признак [+актуализ]. При этом существенно, локализуемые или нелокализуемые сущности участвуют в описываемом положении дел. Между входящими в предложение ИГ и ПВ должно быть согласование по признаку [$\pm$ локализ]. Единицам, входящим в предложение, которое описывает состояния класса или события, происшедшие с целым классом (типа *Такие шляпки вышли из моды*), приписывается признак [—локализ]; в предложении, описывающем состояния индивидов или происшедшие с индивидами события, как ИГ, так и ПВ получают признак [+локализ].

Приведенные правила несколько схематично описывают семантическое взаимодействие когнитивных характеристик ИГ и подчиняющего ПВ. Более исчерпывающее описание требует ряда уточнений. Однако и указанные закономерности, по-видимому, могут служить достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что как когнитивные характеристики ИГ, так и видо-временные свойства ПВ представляют собою проявления единой категории пространственно-временной локализации, включающей в свою сферу действия все предложение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Об одном правиле сложения лексических значений // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
2. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
3. Арутюнова Н. Д. Семантическое согласование слов и интерпретация предложения // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.
4. Бульгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
5. Бульгина Т. В. К проблеме моделирования способности говорящих к контекстному разрешению неоднозначности // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1983.
6. Рвачев Л. А. Математика и семантика. Киев, 1966.
7. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

8. *Вежбицкая А.* Описание или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982.
9. *Арутюнова Н. Д.* Сокровенная связка // ИАН СЛЯ. 1980. № 4.
10. *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1973. С. 197.
11. *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
12. *Булыгина Т. В.* Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983.
13. *Падучева Е. В.* Референциальные аспекты семантики предложения // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1983. С. 231.
14. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976. С. 211.